

предвзятой мыслию взялся, чтобъ испортить книги, но также исправить, и что же вышло?

Конечно, все это идейное предположеніе, которое (опять-таки скажу) едва ли можетъ осуществиться на дѣлѣ, потому очень трудно привести все это въ исполненіе, т.-е. исправить, соединить и примирить. Откровенно говоря, что для меня подобные вопросы совершенно непосильны, и кажутся дѣйствительно „Вельбудомъ“, быть-можетъ у васъ много духовной силы и энергіи, то умудри васъ Господи мудростію высокою.

Остаюсь о Христѣ съ братскимъ къ вамъ привѣтствіемъ

Священникъ Елисей Мелехинъ.

Москва, 25-го апрѣля 1911 г.

Въ концѣ своего письма вы говорите о нѣкоторыхъ непонятныхъ выраженіяхъ въ пѣснопѣніяхъ, на примѣръ: „Всѣхъ царя укориша любовію“. Вы говорите, что никакъ не могу понять смыслъ ирмоса. Если угодно, я могу объяснить; въ ирмосѣ этомъ весь секретъ кроется въ переставкѣ словъ, слѣдовало бы пѣть: „Всѣхъ царя любовію уловлени отроцы укориша безчисленно ярящая мучителя злобное языковредіе, имже не прикоснуса огонь многи, владыцѣ глаголюще: во вѣки благословенъ еси“. По-русски же: пламенѣющею любовію божественною отроки пренебрегли нечестивое прещеніе неистовствующа мучителя и отъ огня избавившеса воспѣли Всемогущему Царю: буди благословенъ во вѣки.

В. Макаровъ.

Наконецъ-то.

250 лѣтъ мы, старообрядцы, жестоко страдали отъ гоненій на насъ государственной церкви. 250 лѣтъ нашъ протестъ и наши святыя обряды позорили называя продуктами невѣжества. 250 лѣтъ не давали намъ возможности доказать, что гоненія напрасны, обвиненія въ невѣжествѣ ложны и что наши обряды — обряды святыя, православныя, глубоко продуманныя, во всей цѣлости выражающіе церковную православную мысль. 250 лѣтъ искусственно прятали насъ отъ взоровъ большой грамотной публики, которая могла бы насъ понять, оцѣнить и заступиться за насъ. 250 лѣтъ мы продолжали настойчиво объ этомъ кричать. Сквозь петлю, накинутую на нашу шею и затянутую туго, мы кричали объ этомъ; отрѣзанными, и дважды по горло вырѣзанными языками — мы неумолчно объ этомъ проповѣдывали. Изъ далекаго поморья, изъ дремучихъ лѣсовъ и изъ-за болотъ полѣсья, мы взывали о томъ, и вотъ наконецъ-то мы услышаны... Насъ стали понимать. О насъ стали говорить. Насъ находятъ правыми и протестъ нашъ стали защищать!.. Всѣ почти газеты (мало-мальски прогрессивнаго направленія) за послѣднее время, можно сказать, переполнены статьями о старообрядчествѣ; статьями симпатичными; часто написанными съ большимъ знаніемъ пред-

мета. (О черныхъ газетахъ говорить не приходится, надъ ними намъ еще, вѣроятно, придется потрудиться лѣтъ съ пятьсотъ, тогда, можетъ быть, онѣ и начнутъ понимать—что христіанство гонителемъ быть не можетъ).

Наконецъ-то лучшая часть русскаго общества, дѣйствительно дорожающая интересами православія (не миссіонерскаго православія, а настоящаго), сильно заинтересовалась нами (старымъ православіемъ—я хочу сказать), начала насъ изучать—и, изучивъ, поняла всю ту страшную ложь, которую съ такою жестокою настойчивостью 250 лѣтъ насаждали послѣдователи Никона, Паисія Лигарида и иже съ ними въ ихъ послѣдованіи. Поняла и открыто, прямодушно стала на защиту стараго православія. И какъ еще стала! Вотъ образецъ одной изъ защитъ подобнаго рода:

С т а р ы й о б р я д ъ .

„Характернымъ опредѣленіемъ единовѣрческой сѣзды закончилъ свои сужденія по капитальному вопросу о клятвахъ собора 1667 г. Діалектика миссіонеровъ и церковная политика іерарховъ взяли верхъ. Снова, какъ десятки разъ прежде, наличность клятвеннаго запрещенія употребленія старыхъ обрядовъ въ дѣянїяхъ собора 1667 г. была отвергнута. *Снова крупная драма русской религіозной жизни объявлена простымъ недоразумѣніемъ* неопытныхъ читателей. *Несчастье объявлено благополучіемъ* *).

Иного, конечно, нельзя было и ждать отъ нашего церковнаго правительства, подъ бдительной опекой и властнымъ руководствомъ котораго протекало скромное собраніе лояльнѣйшихъ единовѣрцевъ. Другого отношенія къ клятвамъ большого московскаго собора у синода, кромѣ затиранія этого щекотливаго вопроса, сейчасъ не можетъ и быть. *Измалодушествовалась русская іерархія, особенно за послѣдніе два вѣка!* Растеряла и забыла свое творческое самосознаніе, не чувствуетъ уже въ себѣ той подлинной власти вязать и рѣшать вопросы вѣры и церковной жизни, какую мы видимъ, не углубляясь слишкомъ далеко, хотя бы у той же русской іерархїи московскаго періода. Съ простотой и нормальнымъ дерзновеніемъ собирались тогда нужные соборы. Здѣсь іерархи смѣло заявляли о церковныхъ нестроенїяхъ и предлагали мѣры къ ихъ искорененію. Ни мало не смущаясь своей скудной ученостью, рѣшительно судили объ ересяхъ, объ обрядахъ, о дисциплинѣ. *Чуждые всепоглощающей бюрократической заботы о престижѣ власти*, не задумываясь, отмѣняли постановленія прежнихъ соборовъ, если они казались невѣрными или непрактичными. Теперь ничего подобнаго нѣтъ и въ поминѣ. Теперь „престижъ“—прежде всего. Все остальное принесено ему въ жертву,—вся живая жизнь. А пониманіе престижа—чисто-губернаторское. *Отстоять всякими правдами и неправдами непогрѣшимость* и потому неотмѣняемость всѣхъ распоряженій церковной власти стало господствующей задачей всей духовной поли-

*) Курсивъ вездѣ нашъ. Авт.

тики. Эта безумная идея создала въ іерархіи ненормальную психологію какой-то абуріи, боязни дѣйствія, неспособности ни къ какимъ рѣшительнымъ преобразованіямъ, ни къ какимъ живымъ творческимъ мѣропріятіямъ, всегда соединеннымъ съ смѣлымъ разрывомъ съ прошлымъ.

Іерархи 1667 г. смѣли сказать о Стоглавомъ соборѣ, узаконившемъ для всей русской церкви двуперстное знаменіе и сугубую аллилуію, что онъ написалъ это „неразсудно, простотою и невѣжествомъ“. Теперь того же самага о соборѣ 1667 г. сказать не смѣютъ. Въ этомъ все дѣло. А между тѣмъ, только такое прямое слово и нужно, чтобы покончить съ прискорбной болѣзнью русскаго церковнаго раскола. Всякія *другія полумѣры* кончая послѣдней резолюціей сѣзда, *таятъ въ себѣ явное лукавство и безплодное лицемѣріе.*

Восьмая глава второго тома соч. проф. Каптерева о патріархѣ Никонѣ является и навсегда останется неопровержимымъ пріобрѣтеніемъ исторической науки въ вопросѣ о клятвахъ 1667 года. Она просто и документально доказываетъ ту очевидную для всякой здоровой, *не миссіонерской головы* истину, что верховодившіе на соборѣ 1667 г. восточные экс-патріархи (правда, не по „простотѣ“, а по *расчетамъ* греческаго патріотизма, не съ древней богословской широтой, а съ равнымъ Стоглаву обрядовѣрнымъ „невѣжествомъ“ и *ужь, во всякомъ случаѣ, „безразсудно“, недалновидно, съ полнымъ непониманіемъ русской религіозной среды*) наложили проклятіе не на однихъ хулителей авторитета церкви, но именно на употребленіе доиконовскихъ церковныхъ обрядовъ, *безъ малѣйшей оговорки.* Это была *безспорная историческая ошибка, какъ и весь нетактичный методъ никоновскихъ исправленій.* Не видѣть ея могутъ только *трусливыя, запутавшіяся, излукавившіяся мысль и совѣсть богослововъ-практиковъ.*

Образецъ такого печальнаго *миссіонерскаго хитросплетенія*—упомянутая резолюція сѣзда. Послѣ признанія „новыхъ“ и „старыхъ“ обрядовъ равночестными, она гласитъ: „Но если бы кто изъ держащихъ старые чины продолжалъ думать, будто на него наложены и на немъ тяготѣютъ за одно только содержаніе сихъ чиновъ проклятія духовныхъ писателей, греческихъ патріарховъ или даже какого-либо собора, то такую клятву мы (т.-е. св. синодъ) снимаемъ и ни во что вмѣняемъ“.

Прежде всего, *живописна эта игра въ прятки.* Что это за таинственный, якобы, не навѣрное извѣстный составителямъ резолюціи соборъ? Какъ будто даже одинъ изъ многихъ! Но вѣдь составители въ точности знаютъ, что никакой другой соборъ, кромѣ собора 1667 года, къ этому вопросу отношенія не имѣетъ. Для чего же эта напускная невинность невѣдѣнія? О, конечно, для того, чтобы показать, что сами они на сто верстъ отъ мысли, будто въ протоколахъ этого собора можно вычитать клятву на старый обрядъ. Но если такъ, зачѣмъ все дальнѣйшее? Если подобное вычитываніе клятвы есть чистое недоразумѣніе, если, значить, объективно ея

не существуетъ, то какой же смыслъ въ высоко-авторитетномъ сниманіи этой клятвы? Резолюція въ послѣднихъ словахъ *объявляетъ*, отъ имени синода, *проситъ о снятіи клятвы и будущій русский соборъ, и восточныхъ патріарховъ*. Громоздить такую вавилонскую башню изъ-за одного пустого миража, это—что-то неожиданное и малопонятное! Безспорно, церковь должна заботливо изыскивать всякія средства къ утоленію мученій религіозной совѣсти, какъ бы причудливы и неразумны они ни были. Но само собою ясно, что въ послѣднемъ случаѣ она должна затрачивать свой авторитетъ на выясненіе неразумія подобныхъ тревогъ, на подтвержденіе ихъ неосновательности, а не на прямую борьбу съ пустыми призраками, гнетущими воображеніе немощныхъ чадъ своихъ. Этой совмѣстной борьбой церковная власть можетъ только доказать, что призраки—*не ложь, а реальность и для нея самой*.

И что грѣха таить,—*такъ оно и есть въ данномъ случаѣ*. Потому синодъ готовъ объявить всѣмъ сомнѣвающимся, что предполагаемую клятву онъ снимаетъ, что въ объективности ея убѣжденъ и онъ. Иначе такое заявленіе абсурдно. Если клятвъ не бывало, то нечего и заниматься сниманіемъ несуществующаго. Авторитетъ церковный тутъ нуженъ только для торжественнаго и абсолютнаго подтвержденія полнаго отсутствія клятвъ. Теперь же смущенная совѣсть приверженцевъ стараго обряда *еще болѣе будетъ обезпокоена и не удовлетворится до тѣхъ поръ, пока упраздненіе клятвъ не доведено будетъ до своего каноническаго завершенія на новомъ всероссійскомъ соборѣ, съ участіемъ восточныхъ патріарховъ*.

Разумѣется, многочисленные примѣры изъ церковной исторіи могутъ подтвердить, что съ момента примиренія русской церкви съ старымъ обрядомъ, т.-е. съ изданія правилъ 1800 г. объ единовѣрїи, она тѣмъ самымъ мочаливо сняла бывшія клятвы, и ихъ реально въ настоящее время для примиренныхъ съ церковью нѣтъ. Въ церкви не всегда отмѣна старыхъ рѣшеній совершается формально. Многое покрывается временемъ и отмираетъ естественной смертью. Таковы цѣлыя тучи клятвъ древнихъ канонівъ, предъ которыми безотвѣтенъ весь современный церковный строй. Но никто ихъ и не думаетъ упразднить, какъ упраздненныя самой исторіей. Не таковъ нашъ больной и неизжитый вопросъ о старомъ обрядѣ. Фактически церковь клятву съ него сняла, но формально, канонически сдѣлать это еще не въ силахъ.

Для этого надо *распроститься въ корнѣ съ бюрократической трусостью, признать ошибочность своей двухсотлѣтней полемики, начная съ Дмитрія Ростовскаго, видѣвшаго въ двуперстіи тринитарную ересь, до профессоровъ Субботина и Ивановскаго включительно, отрицавшихъ отношеніе соборной анафемы къ старымъ обрядамъ*. „Престижу“ отъ этого не поздоровится, но царственная власть, плѣнительная широта и доблесть церкви только и могутъ сказаться въ такомъ

величественномъ актѣ. Доживетъ ли до него когда-нибудь русская церковь! Какой это былъ бы для нея громадный плюсъ.

Но до чего въ этомъ отношеніи превратно устремленіе сердець въ правительствѣ церковномъ,—показателемъ можетъ служить миссіонерскій „Колоколь“. Строго окрикнувъ единовѣрцевъ предъ началомъ сѣзда, затѣмъ разсыпавшись предъ ними, по указанію свыше, въ натужныхъ комплиментахъ, теперь онъ запугиваетъ, кого слѣдуетъ, какъ бы, воспользо-вавшись новыми льготами, православные старообрядцы не стали съ успѣхомъ привлекать къ себѣ новообрядцевъ. Между тѣмъ, *только этого и надо желать русской церкви въ интересахъ ея собственнаго усиленія и подготовленія почвы для исцѣленія церковнаго раскола*, ибо, кромѣ формальнаго снятія злополучныхъ клятвъ, нужно еще и *любтивное возвращеніе къ старому обряду*, не принудительное, а свободное, для всѣхъ желающихъ.

На ряду съ общимъ уклономъ всего культа къ древне-русскому стилю, здѣсь возможны различныя виды усвоенія стараго обряда. Напримѣръ, могла бы быть предоставлена свобода отдѣльнымъ монастырямъ и приходамъ большинствомъ голосовъ избрать себѣ навсегда древнее чинопослѣдованіе или оставаться при новомъ. Что касается столичныхъ и кафедральныхъ храмовъ,—въ нихъ могла бы установиться стильная спеціализація. Пусть въ петербургской лаврѣ, у Исаакія и въ храмѣ Христа Спасителя неизмѣнно совершалось бы пышное и прекрасное богослуженіе XIX вѣка, въ соотвѣтственной архитектурной обстановкѣ, но въ кремлевскихъ соборахъ безраздѣльно царила бы дониконовская Русь XVII столѣтія.

Это была бы истинная, *нелицемерная „равночестность“* обрядовъ. Въ наше время, когда открыто „великое русское искусство“ въ прошломъ, когда архитектура намъ показана И. Грабаремъ, поэзія стараго благочестія Нестеровымъ, старой сказки — Билибинымъ, музыки — Римскимъ-Корсаковымъ; когда, вслѣдъ за псевдовизантистомъ В. Васнецовымъ, надо ждать художника-реставратора нашей чудной московской иконы; когда С. В. Смоленскимъ и его учениками открытъ нашъ слухъ къ чарамъ древне-церковнаго пѣнія,—*возвращеніе къ старому обряду есть просто долгъ хорошаго вкуса*, не говоря о болѣе глубокихъ, культовыхъ достоинствахъ древняго чина для русской души. Не знаю, какъ другіе, а я предпочелъ бы видѣть во многихъ церквахъ вмѣсто господствующей теперь бездушной, я бы сказалъ—безрелигіозной итальянской живописи, строго стильныя иконостасы Успенскаго собора, Троице-Сергіевой лавры и другихъ старыхъ и старообрядческихъ церквей. Столько жуткой, неземной силы и умиленія въ древней иконѣ! А что древній чинъ грѣшитъ противъ грамматики и филологіи, такъ кому же неизвѣстна филологическая несправность и послѣдиконовскихъ книгъ вмѣстѣ съ долго правленнымъ текстомъ библіи? Различіе только въ степени, а не въ сути.

Идущая навстрѣчу старому обряду, разрушившая соборно клятвы

1667 г., признавая действительность старообрядческой австрийской иерархии, — только такая сильная русская церковь будущего въ состояніи вернуть къ себѣ почти всю, такъ безумно отверженную 250 лѣтъ назадъ, мощную духомъ и тѣломъ старообрядческую массу. Мечтаетъ ли она объ этомъ?

Итакъ, дорогу старому обряду! Онъ націоналенъ, онъ силенъ, онъ красивъ.

Это напечатано г. А. Карташевымъ въ газ. „Русское Слово“, газетѣ, расходящейся во многихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, что имѣетъ большое значеніе.

Какъ глубоко понялъ г. Карташевъ истинную задачу православной церкви: она ничуть не должна бояться потери мнимаго „престижа“ — признаніемъ своей ошибки въ уклоненіи съ праваго пути въ злополучную пору 1656—67 гг. Признавъ эту ошибку и отрекшись отъ нея, церковь господствующая тѣмъ только и явитъ себя *действительно православною*, а не по названію только, какъ теперь. Только этимъ отреченіемъ отъ заблужденій прошлаго и возстановленіемъ святой старины она и явитъ себя въ глазахъ цѣлаго міра сильною духомъ, сильною настолько, что является побѣждающею саму себя. Потери отъ этого никакой, а выигрышъ невѣроятенъ: вѣдь все старообрядчество только этого и ждетъ, и дождавшись, охотно примирится, послѣ чего и настанетъ тотъ великій день, когда столь долго разрозненные братья скажутъ другъ другу: нынѣ насталь миръ. „Слава въ Вышнихъ Богу и въ челоуѣцѣхъ благоволеніе“.

Объ этомъ очень, очень надо подумать всѣмъ любящимъ истинное православіе. А главное надо сознать и коснѣющимъ въ новообрядіи: что долго ли, коротко ли, но истина побѣдитъ, а она на сторонѣ не только старыхъ обрядовъ, но и старообрядчества вообще. Не предвзято направленный умъ, взглянувъ въ исторію борьбы новшества съ старовѣріемъ, легко увидитъ, что силы лжи и истины слишкомъ неравны въ своей сути, не взирая на видимое превосходство лжи; что истина тяжело, медленно, но шагъ за шагомъ идетъ впередъ, отнимая у лжи позицію за позиціею. И чѣмъ это пойдетъ дальше, тѣмъ побѣда истины станетъ очевиднѣе и шире.

Посмотрите на исторію: обряды старые уже признаны не только православными, но истинно-древними и превосходящими своимъ внутреннимъ содержаніемъ — новые. Они „національны, сильны и красивы“, какъ выражается о нихъ г. Карташевъ. А новый обрядъ: онъ поблѣднѣлъ, онъ ступшевася, онъ признанъ негоднымъ; постановленія собора 1666 года о насиліяхъ надъ совѣстью старообрядчества, о такъ-называемыхъ „тѣлесныхъ озлобленіяхъ“ окончательно осуждены; исправленіе книгъ давно признано неудачнымъ или завѣдомымъ искаженіемъ, а не исправленіемъ, и синодъ уже исправляетъ ихъ въ направленіи доникововскомъ, что отлично можно видѣть въ потребникахъ, хотя бы новаго синодальнаго изданія и прежняго; безпатріаршество, безсоборность церкви господствующей окон-

чательно осуждена, осуждено, и жестоко осуждено, и синодальное управление русскою церковью, осуждено не только христіанскимъ и свв. обученіемъ, но и лучшими писателями самой церкви господствующей (см. книгу Зеленкова ч. III, данную приложеніемъ къ „Старообр. Мысли“ за 1911 г.), безразсудныя клятвы (вотъ ужъ поистинѣ „безразсудныя“) собора 1667 г. на старые обряды также жестоко осуждены, осуждены и вообще нелѣпыя постановленія этого собора; осуждены подлоги, обманы, подчастки въ церкви господствующей, содѣянныя въ разное время для защиты своихъ ошибокъ по исправленію обрядовъ и книгъ; наконецъ, осуждено на смерть и дикое миссіонерство со всею своею темною дѣятельностью прошлаго и настоящаго. Это все намъ, какъ на ладони, ясно представляеть исторія, если только мы безпристрастно взглянемъ въ ея показанія.

Конечно, все это признано и осуждено людьми лучшими, людьми, цѣнящими истинное православіе, христіанство, а не то, къ которому они принадлежатъ официально. Само собою разумѣется, что гг. миссіонеры нисколько этого не признаютъ, они и глазомъ не моргнутъ отъ стыда потери всѣхъ своихъ позицій, жестокаго осужденія ихъ дѣятельности интеллигенціей и людьми доброй совѣсти и правды. Они, валяясь въ вонючей грязи разлагающагося болота, все равно будутъ беззастѣнчиво увѣрять и притомъ съ большимъ жаромъ, что ихъ мѣстонахожденіе самое лучшее и пріятное мѣстонахожденіе, и будутъ всѣхъ тащить къ себѣ. Но конецъ ихъ недалекъ—хотя они и не видятъ его.

Продолжимъ нѣсколько: итальянская живопись въ храмахъ осуждена. Признано: столько жуткой, неземной силы и умиленія въ древней иконѣ!—какъ мѣтко выразился г. Карташевъ. А ее отбирали у старообрядцевъ, жгли и кололи безжалостно. Это тоже осуждено. Осуждено итальянское партесное пѣніе иногда съ мотивами „комаринскаго“, даже въ такой высокой молитвѣ, какъ „Отче нашъ“. Нынѣ духовные композиторы церкви господствующей сознали неумѣстность этихъ мотивовъ въ храмахъ и въ лицѣ г. С. В. Смоленскаго и его учениковъ вернулись „къ чарамъ древне-церковнаго пѣнія“—какъ сказалъ о немъ г. Карташевъ. И архитектуру церквей полюбили старую—и всю жизнь старую стали понимать и цѣнить.

Слѣдовательно, неминуемо настанетъ моментъ, когда старое возьметъ перевѣсъ и любовно, скажемъ словами того же Карташева, безъ всякаго насилія замѣнитъ собою новшество, столь неудачно прививавшееся къ нашему народу.

И, право, не бояться этого надо, а скорѣе спѣшить къ этому.

Вѣдь церковь господствующая ничего ровно не потеряетъ отъ этого. Единственно, что случится съ нею—это ея небывалый расцвѣтъ въ единеніи, въ старыхъ обрядахъ, въ старомъ укладѣ на вполнѣ каноническихъ началахъ. Вѣдь надо знать, что іерархи остаются іерархами. Храмы храмами. Обрядъ новый—старообрядчество, возможно, для немощныхъ и уступить, а потомъ онъ вскорѣ и самъ исчезнетъ какъ привитый искусственно и не лежа-

шей глубоко въ душѣ русскаго народа. Ломки старообрядчество, я думаю, не потребуеть: оно терпѣло гоценія, а немощи, недочеты и подавно потерпитъ до времени, и только путемъ постепенности все перестроится на новый, но въ то же время на старый ладъ.

Если кому и будетъ худо—такъ это миссіонерамъ. Но и они потомъ прекрасно устроятся: вѣдь въ глубинѣ души и они сознають, что защищаютъ ложь и нехорошими средствами. Они тогда измѣняютъ тактику и снова будутъ служить, но ужъ истинѣ и благородными средствами.

Государство также выиграетъ невыразимо много: вѣдь съ возвращеніемъ къ старому обряду ничто не измѣнится, а единость нынѣ разрозненной и борющейся массы великороссовъ дастъ огромныя силы національному государству.

Итакъ, все говорить за то, чтобы общими усиліями стремиться къ скорѣйшему возстановленію древней церковной жизни.

Да будетъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ лично къ г. Карташеву: если позволительно, я указалъ бы ему его ошибочное пониманіе, что грамматическое и филологическое превосходство—за книгами никоновскими: нѣтъ, и здѣсь оказывается превосходство за старыми книгами. Хотя безспорно, что и въ нихъ не безъ ошибокъ, но безъ нихъ невозможно. Они всегда были и будутъ.

Н. Зенинъ.

При догорающей свѣчѣ.

Длинный вечеръ русской осени...

На столѣ горитъ свѣча.

За окнами темно, но я знаю, что вѣтеръ обрываетъ листья тополя, растущаго подъ моимъ окномъ въ палисадникѣ, кружитъ ихъ, бросаетъ на грязную улицу, несетъ въ рѣку, въ поле; треплетъ махровые цвѣты георгинъ, и они, истомленные долгой борьбой, падаютъ подъ порывами; темно-красно-красные цвѣты настурцій, какъ бы защищаясь, пригибаются къ землѣ; левкой и вербена, какъ зачарованные пѣснями вѣтра, сдаютъ безъ боя; только безсмертники не поддаются злему натиску и послѣ каждаго порыва гордо поднимаютъ свои головки.

И скоро всѣ они умрутъ!..

Всѣ!..

Посыплются бѣлая снѣжинки и засыплютъ. Покроютъ бѣлой, пушистой пеленой клумбы и—умерли цвѣты.